

ЦЕНОЮ ЖИЗНИ

В Я Заборцев

Холодный осенний ветер дохнул в лицо Сергея, за спиной гулко стукнула дверь проходной тюремного заведения. Он глубоко, до боли в груди, вдохнул свежий воздух.

«Неужели всё? Свобода?» – вопрошало его сознание. Шёл сентябрь 1944 года, здесь он провёл долгих двенадцать лет. Он стал считать, сколько же ему лет. Посадили его в 1932 году – ему было сорок два года. Стало быть, мне сейчас пятьдесят четыре года? Это что? Много? Мало? Нет! Будем жить!

Сердце бешено заколотилось в груди, защемило в груди, в памяти пронеслись годы, прожитые в родном доме с детства и до ареста. жена Евдокия Ивановна, брат Андрей... Как сейчас им живётся? Где Яков – приёмный сын? Идёт война, и Яков наверняка там, воюет, жив ли. Писем Сергей не получал, и сам не писал, судом он был лишён права переписки. Своих детей у них с женой не было. «Не дал Бог», – вздохнул Сергей. Якова им передал брат Андрей, после смерти его жены у него осталось шестеро детей, Якову было одиннадцать лет. Официального усыновления не было, просто так, по-свойски, решили братья.

Некогда было предаваться воспоминаниям и раздумьям, жажда жизни гнала вперёд. По наезженной дороге дошагал до железнодорожного разъезда, вскочил на подножку последнего вагона товарняка, проходящего в Иркутск. Городов он в жизни не видал и, конечно, с любопытством ко всему присматривался. Так, ворочая головой по сторонам, он дошёл до берега Ангары, почувствовал близость дорогого для него мира, расслабился – захотелось есть. Достал из мешка сухарь чёрного хлеба, помочил в реке, перекусил. Это всё, что съел он за целый день. В насыпи, у моста через реку, обнаружил нишу непонятого для него назначения, там было сухо и не доставал ветер – в ней он провёл ночь.

С рассветом пошёл вниз, по течению реки, придерживаясь берега. К полудню начался пригород с частными домостроениями и огородами. На пологом склоне Сергей заметил: женщина с двумя детьми-подростками копает картошку. Она склонилась над полем на широко расставленных ногах, её движения быстры, она умело, привычно выкладывает рядками картошку, а дети вёдрами относят её к мешкам.

Немного понаблюдав, подошёл к изгороди, крикнул: «Бог в помощь!». Женщина медленно расклонилась, тыльной стороной ладоней отбросила с лица свалившиеся тёмные волосы, подбоченясь, прогнулась в пояснице. О Боже, как давно он не видел женщины! На него смотрело красивое женское лицо, широко открытые карие глаза, густые чёрные брови. Всё в ней было красиво: и движения, и родная ангарская, с растяжкой, речь.

– Хорошо бы ещё кто-нибудь, кроме Бога, помог. – отвечала женщина. Вытирая руки о передник.

– У меня времени много, могу и помочь, – ответил Сергей.

Женщина подошла ближе к изгороди:

– Кто такой будешь? Не здешний ты.

– Не здешний. Мой дом далеко отсюда. Там, далеко, – указал рукой вниз по реке.

Женщина оказалась словоохотливой, разговорились, и Сергей, соскучившись по человеческому общению, рассказал, кто он, где его дом и семья и что он намерен добраться до дому плавежом вниз по реке.

– Ой, парень, далеко ведь, сколь километров, двести, триста?

– Больше тысячи километров.

– Что ты, парень, река замёрзнет, не доплывёшь, погибнешь.

– Не погибну, места жилые, везде есть люди.

– Может, ты отдохнёшь немного у нас, места в доме много, баню истопим, отмоешься от тюрьмы-то.

Сергей замялся: баня, тёплый деревенский дом – озноб мелкой дрожью прошёл по спине, сколько лет он мечтал об этом.

– Хозяин-то как посмотрит на это, я же каторжанин.

– Нету у меня хозяина, похоронка пришла ещё в сорок втором.

– Ах ты, беда, прости. Как зовут-то тебя? Я – Сергей.

– Дарья, – ответила женщина.

Разговор ненадолго прервался. Она с интересом рассматривала незнакомца, рассуждая про себя: «Худой. Давно небритый, усталый, пожилой человек. Лет шестьдесят ему, наверное, но глаза живые, приветливые. Добрый, видать, человек. Господи, за что страдают люди? Ведь не вор же он, не убийца – двенадцать лет каторги! Можно с ума сойти. ».

– Ну, пойдём, обогреем тебя, отдохнёшь.

Глубоко вздохнув, Сергей перешагнул через изгородь, вошли во двор. Большой крестьянский дом, сарай-навес, баня, хлев, всё по-хозяйски прибрано, небольшой запас дров. Про себя Сергей заметил, что на длинную сибирскую зиму количество дров надо бы утроить.

– Садись, пообедай с нами.

Сергей не стал отказываться, поднялся, перекрестился на угол с иконой, присел к столу Свежая картошка, малосольные огурцы, грибы – рыжик. От запаха закружилась голова, потемнело в глазах. Справился – отошло.

– Костенька, позови бабушку

Из-за печи вышла пожилая женщина – свекровь. Харитина, так звали женщину, проявила немалый интерес к судьбе Сергея, и ему пришлось всё заново рассказать.

– Господи, – взмолилась женщина, – сколько можно изводить свой народ. Раньше хорошо не жили, а сейчас война всё до конца довела. Тяжело, Сергей, живёт народ. Мужики все на войне, остались старики да дети, работать некому. Лонись хлеб убрали не полностью, завалило снегом. Живём огородом да рекой, налогами задушили деревню, уже мало кто держит скотину. Но надо доживать как-то, погнали немцев-то, может, скоро и конец войне-то, дал бы Бог.

– Баня готова, – доложил Костя.

– Идите семьёй в баню, я пойду позднее, а сейчас мешки с огорода занесу в сарай.

В бане он помылся, попарился берёзовым веником, лёг отдохнуть и не заметил, как уснул, проснулся уже затемно. В доме слабо светилось одно окно, его ждали. Переступив порог, упал на застеленную у двери лавку и уснул замертво, как никогда в жизни не спал. Проснулся, когда семья уже работала на огороде, а на крылечке дома Сергея встретил крепкий мужик лет семидесяти. Поздоровались. Оказалось, это сосед – Ефим Карпович.

– Мне бабы всё рассказали, лихое дело ты задумал уплыть самосплавом до дому. Проплыть можно, но времени на это уже нет. Октябрь подходит, а там – шуга, ледостав, и всё, конец пути.

– Мне всё известно, но выбора у меня нет, в кармане у меня – одна справка об освобождении, и больше ничего. Выход один: домой, к семье, и только рекой и самосплавом. Всё это я продумал ещё там, в тюрьме, запаса тёплым бельём, робой, ботинки армейские – почти новые, небольшой запас сухарей. Может, осень будет долгой да тёплой, успеть доплыть до кежемских деревень, там уже легче будет, реку я знаю.

– Да, вижу я, тебя не остановить. Раз так ты решил – надо спешить, ещё и потому, что время тревожное: война, загребут по новой. Поможем тебе, чем можем. Возьми одну из моих лодок с вёслами и багор, дам топор, пилу. С Дарьей соберём чего-нибудь из продуктов, бабы отдадут тебе старый зипун, но он ещё крепкий и тёплый.

Сергея задушили слёзы благодарности, с трудом проговорил:

– Спасибо, люди добрые! Как мне вас благодарить?! Останусь жив – до смерти за вас молиться буду

– На лодке доплывёшь до Падуна, порог обходи горой, лодку подтащи на берег, может, кому и пригодится. А дальше – плот, если лодки не найдёшь. Удачи тебе, мученик, с Богом.

Ефим легонько толкнул лодку. Сухая, она качнулась на волне, течение подхватило её. Ефим с берега, а Дарья с семьёй с огорода, махали вслед руками.

Первые сутки плавания стояла сухая, тёплая погода. Сколько проплыл, Сергей не знал. С рассветом миновал какую-то деревушку и решил перекусить. Развязал рюкзак и, кроме съестного, обнаружил тёплые зимние рукавицы-кокольды, большой моток бечевы, волосяную скрученную рыболовную леску и коробочку с крючками разной величины. Снова с благодарностью вспомнил Ефима. с голоду не пропаду, будет ещё и свежая рыба.

Но хорошего всегда много не бывает. К вечеру подул холодный встречный ветер, пришлось налечь на вёсла, чтобы продвигаться вперёд. В отдельные дни приходилось пережидать ветры на берегу, разводя небольшой костёр, чтобы вскипятить горячий чай. С рассветом – снова на вёсла, так пошли день за днём. Сергей потерял счёт времени. Вдруг как-то неожиданно потеплело, пошёл снег, затихли ветра. Это дало возможность плыть дальше от берега, где течение быстрее, и ускорить движение, но Сергей спешил и вёсел не бросал.

К половине октября он проплыл много мелких деревень и несколько городских поселений. Падунский порог услышал по приближающему шуму. Как и говорил Ефим, лодку оставил, с большим сожалением, набросил рюкзак, прихватил багор и пошёл горой. Обойдя порог, спустился к реке и с удивлением и радостью увидел выброшенный на берег паром, на котором переплавляли какую-то гусеничную технику, о чём говорили следы гусениц. Паром был крепко сколочен скобами и болтами из сухого бруса и лафета. Сергей быстро сообразил, что лучшего материала для плота не найти, придётся крепко поработать и, не теряя времени, взялся за дело. Плот получился на славу: лёгкий, маневренный, поставил на него две чурки, найденные на берегу, получился стол и стул. Сергей повеселел: всё же есть Бог на свете!

На этом плоту он проплыл Илимский район и всё многоостровье уже Кежемского района. В условиях ветров плот имел преимущество перед лодкой: он не подчинялся встречным ветрам, упрямо шёл по течению. Шуга началась в деревне Аксёново, резко похолодало, появились крепкие забереги, плот обрастал льдом, становился тяжёлым и менее послушным. Весь путь до посёлка Косой Бык Сергей хорошо знал: впереди Аплинский порог, короткий по продолжительности, но очень крутой по спуску и характеру.

Силён и коварен Аплинский, могуч и горд своей непокорностью. Каждый, кто проходил его, испытывал чувство страха перед ним, и торжества и уверенности в себе после его покорения. Того это удовольствие стоило! Немало жизней поглотил этот монстр, немало судов и судёнышек распорол он на своих камнях. Каждого водителя судна, подошедшего

Аплинский порог на Ангаре. Кежемский район. Фото А.В. Брюханова

к порогу, охватывает чувство беспокойства и волнения. Нетрудно понять, какие чувства испытывал Сергей, подплывая к порогу, – он знал его характер.

Судовой ход пролегает посередине реки, но небольшой проход есть у самого берега слева, его и выбрал Сергей для прохода плотом. В случае опрокидывания или развала плота, есть шанс выпрыгнуть на берег. Расстояние от порога до посёлка всего-то тридцать километров, летом это расстояние проплывёшь за шесть-семь часов. А сейчас? Хватит ли полного дня? Шуга идёт так плотно и медленно, кажется, река вот-вот станет Пешком ему не дойти, и нового плота он уже не сможет сделать. Силы его иссякли, мороз сковал его, промокшая одежда покрылась льдом. Решение одно – идти в порог на плоту. Мелькнула надежда, что плотная шуга уменьшит волнение порога.

К порогу поднесло в раннее утро.

– Спаси, Господь-Батюшка, – перекрестился Сергей.

Закинул за спину рюкзак, где было сухое бельё и запасная тюремная роба, широко расставил ноги, упёрся багром в плот, превратившийся в большую льдину, и плот свалился в поток. Вода хлынула на плот, но плот устоял и всплыл, поровнялся с бушующей шугой и пошёл своим ходом, близко прижатый к забереге. Успокоившись, Сергей сел на чурку (вторую снесло), снял ботинки и сырые портянки, обмотал ноги сухим бельём из рюкзака, встал на ноги. То, что он остался жив, взбодрило его и придало сил. День прошёл в борьбе с наседающим льдом, шуга становилась всё плотнее, давила его к забереге. Ход реки почти остановился, но там, недалеко, в морозной дымке, показался посёлок – тот, к которому он стремился. Вечерело, и на Сергея навалилось какое-то спокойствие, и он, кажется, задремал.

Очнулся и, совсем рядом, близко, видит женщину. Она проверяет снасти, расставленные на налима. Протёр заиндеветшие ресницы и, кажется, он сходит с ума. Он узнаёт

в женщину свою родную сестру Варвару Хотел окрикнуть, но получилось какое-то мычание, собрался с силами и «Варюх-х-ха-а» прохрипел Сергей. Женщина крутит головой, слышит голос, но никого не видит. С большим трудом она увидела глыбу льда, похожую на человека. «Братка!» – закричала женщина и помогла Сергею перебраться на заберегу, на родной берег. Крики и причитания Варвары услышали люди на берегу, подошли и повели Сергея в дом Варвары.

Варвара жила на окраине посёлка. В этом же доме, за стенкой, жила и Анна – старшая сестра Сергея. Не надо было никого оповещать: весть о возвращении Сергея облетела посёлок сама по себе. В считанные минуты дом Варвары окружили жители посёлка, они стояли стайками, по три-четыре женщины, все разводили руками и удивлялись, как мог Сергей в такую стужу проплыть на плоту в шуге и не замёрзнуть.

А в доме Варвары сёстры и племянницы снимали с Сергея мокрую, мёрзлую одежду, растирали его спиртными настойками, медвежьим топлёным жиром, приводя его в чувство, и он медленно оттаивал. И, кажется, произошло чудо: Сергей не обморозил ни руки, ни ноги, все пальцы были целы, и не было признаков обморожения.

Евдокия к дому Варвары летела с разметавшимися по плечам волосами, с широко распахнутыми руками, как молодая лань. Перешагнула порог дома и на коленях поползла к Сергею, истошный крик «Се-рё-жа» огласил дом и прилегающие улицы. Она беспомощно опустила свою голову на колени мужа, и всё её тело сотрясилось от рыданий. Объятия, целования и слёзы заняли достаточно много времени. Никто не смел первым начать какой-либо разговор, все чего-то суетились, ходили из комнаты в кухню и обратно.

Спустя некоторое время успокоились. В доме были только близкие родственники. Сергей и Евдокия – рядышком, и большинство родственников сидели за накрытым столом. Все приняли по чарке спиртного. Лицо Сергея разгорелось нездоровым румянцем, глубоко ввалившиеся глаза широко открыты и ошалело осматривают всех присутствующих. Он обратил внимание на двух дочек брата Андрея, подозвал их к себе.

– А что братка Андрей? Он дома?

Повисла долгая тишина, все замерли на своих местах. Тишину нарушила Евдокия:

– Нету Андрея, Серёжа. Забрали ещё в 38-м году, многих забрали, погрузили в илимку, уплыли вниз по реке – и всё.

Сергей уронил голову на стол, на подставленные кулаки, и долго так сидел молча, словно ожидал новых сообщений. Удары посыпались на его голову один за другим.

– Яша погиб. Похоронка пришла в 43-м, – продолжала Евдокия, – жена его с тремя детьми переехала в деревню Алёшкино. На Николая Андреевича было сообщение – пропал без вести. Ивана Андреевича арестовали следом за тобой, в 32-м, и тоже о нём никаких вестей.

Сергей медленно расклонился, поднял мокрое от слёз лицо, обвёл всех спокойным взглядом, тихо проговорил:

– Значит, весь род извели, один я остался, – расправил спину, откинулся на спинку стула, запрокинул голову, и всё его тело затряслось.

Перед утром Сергея и Евдокию проводили до дому. Спал Сергей беспокойно, часто вскакивал, кричал в бреду. Через день его увезли в больницу. После обследования приговор был жестоким: туберкулёз в тяжёлой форме. Пошли годы тяжёлой битвы за жизнь, которая продлилась всего девять лет. Сергей скончался в 1953 году.

Такова цена за девять лет жизни на свободе.

Красноярск, 2018